

О. Р. АЙРАПЕТОВ

В. М. БЕЗОТОСНЫЙ.

РОССИЯ И ЕВРОПА В ЭПОХУ 1812 ГОДА:
СТРАТЕГИЯ И ГЕОПОЛИТИКА. М., 2012

Думаю, что новая книга В. М. Безотосного найдет своего читателя. Более того, убежден, что она просто обречена на успех. Причины этого успеха довольно очевидны. На мой взгляд, они заключаются в редчайшем для нашего времени явлении: профессионал, занимающийся своим делом. В идеале так и должно быть всегда, потому что это нормально. Выбор между нормой и аномалией для здравомыслящего человека естественен, и потому повторю — книга обречена на успех. Сразу отмечу — лично мне нравятся труды Виктора Михайловича. Все они выполнены с большой любовью к истории нашей страны, с уважением к факту, к источнику и историографии.

Все эти качества, безусловно, делают Безотосного ведущим специалистом по эпохе 1812 года, и, естественно, выводят его за пределы *mainstream* российского *academic society*. Удивляться такому результату не приходится. Объективность, требовательность к себе, а часто и просто порядочность сегодня не относятся у нас к самым востребованным качествам. Речь идет не только об истории. Российская наука и образование, российская культура вообще переживают глубокий и затяжной кризис. Это можно игнорировать, замалчивать, не признавать, но это уже очевидно. Увы, очевидно и другое: этот кризис неизбежен. Он является естественным продуктом последовательного разгрома школы, насаждения ханжества и русофобии, невежества и норм поведения, естественных скорее для животного мира, чем для человека.

Результат неутешителен — та часть общества, которая приняла подобные правила игры, обогащается и развращается, а та, которая не хочет продавать первородство за чечевичную похлебку, не желает расставаться ни со своим человеческим достоинством, ни с правдой о прошлом своего Отечества, еще более, чем раньше, стремится найти в истории России, и особенно в ее славных страницах, источник силы для жизни в тяжелом настоящем и очевидно нелегком будущем. Черда юбилеев, открывающаяся 200-летием Отечественной войны 1812 года, не может не усилить поляризации между реальными и декларативными достижениями и остроты видовой борьбы *homo consumeris* с *homo sapiens*.

Исход этой борьбы отнюдь не очевиден. Дом, домом науки нареченный, превращен в вертеп разбойников, а у торгующих во храме — серьезные интересы и жесткие привычки. В противостоянии с ними обычно побеждают отнюдь не самые умные и достойные, а самые хищные и неразборчивые в средствах. То есть те же самые «человеки потребляющие». Ведь цель оправдывает средства, не правда ли? Неудивительно, что одним из зримых проявлений кризиса является увеличение числа «экспертов» на фоне сокращения специалистов и умножение сонма академических председательствующих при падении популярности научного труда и, как следствие, — популяции научных работников.

В подобной нездоровой атмосфере в исторической науке вновь наметились неприятные тенденции разделения на основе политического заказа или разногласий, собственно к науке не имеющих никакого или почти никакого отношения. Как и в культуре, есть достижения декларативные, часто виртуальные, как правило, восхваляемые системой, и достижения реальные, как правило, замалчиваемые. Иначе и быть не может. Возникает непреодолимое ощущение, что любое качественное исследование, выполненное специалистом, воспринимается председательствующими «экспертами» как вызов и угроза собственному процветанию. Удивительно, как вообще еще возможны феномены появления здоровых работ в столь болезненной атмосфере. В последнее время в каждой более или менее важной для русской истории и русского исторического сознания теме возникают островки жизни, доказывающие правоту народной мудрости — «И один в поле воин».

1812 году повезло. У него таких воинов как минимум два. Книга одного — профессора Д. Ливена¹ — ожидается вскоре

---

¹ Lieven D. *Russia against Napoleon. The battle for Europe, 1807–1814.* Penguin books. 2009.

в русском переводе, вторая — сделана предметом нашего обсуждения. Из первых пришедших мне на ум претензий к ней я хотел бы назвать две: во-первых, книга появилась позже, чем мне хотелось бы, и я не успею использовать ее в собственном проекте, и, во-вторых, мне не нравится термин, вернее слово «геополитика».

Сам Виктор Михайлович, предворяя исследование солидным обзором историографии последнего времени, рассматривает все более или менее заметные тенденции исследования эпохи 1812 года, особенно в постсоветский период. Выбранные хронологические рамки объяснены и основательно фундированы. Это прекрасно. Но термин «геополитика» разъяснен весьма условно. Мне кажется, сам автор чувствует это, называя это явление то «термином», то «специфической областью знания», а то и «модным словом».² Не имею никаких претензий к К. Хаусхоферу и Х. Маккиндеру, которые в традициях XIX столетия весьма осмысленно и серьезно относились к печатному слову, их термины ясны и понятны. Наши современные реалии — совсем иное дело.

У нас порой сложно понять, в чем, собственно, состоит специфика этой области знания. Понижение уровня знаний и уровня требований к учащимся в нашей стране привели к неизбежным и весьма болезненным последствиям, во всяком случае, для гуманитарных дисциплин. Теоретизирование без знания фактов становится все более популярным. Показателем падения уровня культуры исследования становится рост использования бессодержательных, а значит, бессмысленных терминов, непотребное в прямом смысле слова, то есть ненужное, загромождение оными текстов и т. п. Множество современных авторов используют «модное слово», нарушая принцип Оккама («не умножать сущности без необходимости»), т. е. не превращать осмысленное кем-то в собственную бессмыслицу.

При таких обстоятельствах не всегда ясно, например, чем внешнеполитические интересы или стратегические соображения отличаются от геополитических. Подозреваю, что многие обращаются к бессмыслице вполне осмысленно, потому что лишенная образа и не поддающаяся определению туманность делает возможными заявления вроде тех, которые так убедительно критикует Безотосный. Например, о глубоком непонимании «Александром I и его приспешниками» (!) истинных интересов государства. Вот

---

² Безотосный В. М. Россия и Европа в эпоху 1812 года. Стратегия и геополитика. М., 2012. С. 12–13.

так слово «геополитика» превращается в волшебную методологическую палочку для всякого рода проходимцев.

Я заметил, что часть отечественных историков занимается поиском единственно верной методологии как некоего философского камня, обладание которым освободит от необходимости работы, поиска фактов и расширения поля знаний. Поскольку камень так и не был обнаружен, то сойдет и другое волшебство. Вооружившись такой палочкой и действуя ею как дубиной, можно смело и бесцеремонно делать какие угодно заявления. Особенно если они придутся по вкусу тем, с кем когда-то пришлось воевать России. Так действуют настоящие «эксперты». Часто не имея понятия о предметах, они всегда знают, как нужно их изучать.

Следы деятельности этих «терминопоклонников» легко узрит и незрячий. Сколько сил, например, было потрачено на интернализацию самого слова «империя» вообще и словосочетания «Российская империя» в частности. Результатом было терминологическое манихейство в границах понятий «русское» и «царское», где одно противопоставлялось другому. После 1991 г. к этому наследию 1917 г. добавился еще и термин «российское», противопоставленный первым двум, и особенно первому.

А теперь, оказывается, к этой дикой смеси можно добавить «модное словечко», и этого будет вполне достаточно, чтобы утврждать, например, на основании любви к Наполеону, что дружба с Францией — это, собственно, все, что нужно России. На терминологическом волапюке это называется «единством геополитических интересов России и Франции». Разумеется, если речь идет о вере, то спорить не о чем. Предмет веры не подлежит обсуждению. К тому же франкофилия всегда была модной болезнью в России, поэтому и любовь к Бонапарту иногда доходит у некоторых авторов до готовности к отречению от здравого смысла. Что уж тут говорить об отрицании права русского государства на собственные внешнеполитические интересы? Они ведь у него едины с французскими (возможны варианты в зависимости от «геополитических» пристрастий того или иного автора: с германскими, польскими, американскими, японскими, китайскими, и даже латвийскими, литовскими и эстонскими, а почему бы и нет?).

Рецепт прост: для России нет большей выгоды, чем диктат одной могучей державы на европейском континенте. Тот, кто это не понимает, вступает в противоречие с явными геополитическими, аквастратегическими и космоэкономическими интересами страны, а если он еще к тому же не разделил любви современного автора к тому или иному деятелю, возглавившему вторжение

в Россию, — нет предела справедливому гневу такого исследователя. Вот, наконец, истинные ревнители интересов Отечества добрались и до Александра I. И здесь разверзлись «зияющие высоты» современной российской scholar society. И еще какие! Wow! Mein Gott! Простите, в данном случае — parbleu!

В последнее время у некоторых историков проявилась весьма характерная черта — глубокое и искреннее убеждение в том, что изучаемые ими деятели, во всяком случае, отечественной истории, находятся на гораздо более низком уровне развития, чем они сами. А посему, «все предрассудки истребя», любое непонятное и необъяснимое для таких историков решение своих героев они с готовностью списывают на их непонимание геополитической обстановки, глупость, даже недоразвитость, неспособность принять и выполнить решение без внешнего влияния. «Сфинкс, не разгаданный до гроба», — особо благодатный случай для такой методологии. Как, впрочем, и его время.

Книга Безотосного — пример совсем другого подхода к загадкам прошлого. Разбор конструкций времени упадка здравого смысла и логики проведен Виктором Михайловичем подробно и изящно. С его доводами стоит познакомиться жертвам соблазна поиска легких объяснений:

«Александра I многие историки любят выставлять как мягкого, податливого и безвольного человека, на которого оказывали влияние самые различные силы и личности, особенно иностранцы: то либералы и гуманисты, то консерваторы и реакционеры, то англоманы, то франкофилы, то мистики. Не перечислить всех тех поименно, кто в исторической литературе завладевал его волей, навязывал какие-либо идеи и принимал за него решения... В зависимости от ситуации и исторических реалий его рисуют то либералом, то консерватором, то мистиком, то холодным прагматиком. Возникает даже вопрос — как такой безвольный и слабый император, да еще легко поддающийся посторонним влияниям, смог достичь столь поразительных результатов и стать победителем Наполеона, одного из величайших полководцев в истории?»³ Полагаю, что на этот вопрос возможен зело геополитический ответ: Александр на самом деле проиграл, т. к. через 100 лет после вступления русских войск в Париж Россия и Франция все равно стали союзниками.

Глупо как факт. Казалось бы, научное объяснение факта имеет смысл только в случае погружения его в исторический контекст.

---

³ Там же. С. 67.

Только контекстуализация факта дает исследователю возможность обрести критерий сравнения и выйти на возможность использования тацитовского *principium comparationis*. Перед исследователем, исследующим военно-политическую историю начала XIX века, стоят задачи колоссальной сложности. Еще в XVIII веке конфликты за господство или даже за передел сфер влияния в Европе вплотную подошли к тому, что сейчас принято называть мировыми войнами. Проблемы «испанского» или «австрийского» наследства чувствительно сказывались не только в Европе, но и на значительных территориях в Азии, Африке, Америке.

Наполеоновские войны — конфликты гораздо более глубокие и масштабные по потрясениям и задействованным силам — практически мало чем отличались от мировых войн. Характерно, что и закончились они не только миром (этим рано или поздно кончается любая война), но и попыткой создания межгосударственного союза, призванного следить за всеобщим умиротворением и быть его гарантом. Иначе и быть не могло. Тот же Александр I, в целом оставаясь верным идеалам своей молодости, усвоил крайне критический взгляд на попытки их реализации на практике. Думается, что в этих своих взглядах он не был одинок. Война в Европе от Кадикса до Москвы, война в Азии, Африке и Америке — все это заняло жизнь целого поколения с 1789 по 1815 гг., и пережившие это время политики, вне зависимости от того, понимали ли они принципы «геополитики» или нет, понимали, что страны и народы нуждаются в отдыхе.

Именно поэтому, например, Александр был так внимателен к побежденной стране и ее столице. Он делал все, чтобы побежденный враг не имел бы повода к реваншу. Именно поэтому русская оккупация во Франции с самого начала была менее тяжелой для французов, чем власть союзников. Без сомнения, свою роль в этом сыграла и позиция русского монарха. «Вы все сделали, Государь, — благодарил Арман де Ришелье Александра I в апреле 1816 г., — и для Европы, и для Франции: Вам обязана она существованием»⁴. Уже 13 (25) мая 1814 г. по приказу Александра I в Петербурге было издано «Распоряжении об отправлении в отечество военнопленных всех наций, в России находящихся»⁵.

---

⁴ Татищев С. С. Император Николай и иностранные Дворы. Исторические очерки. СПб., 1889. С. 134.

⁵ Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы российского министерства иностранных дел. Сер. 1. 1801–1815. Т. 7. Январь 1813 г. — май 1814 г. М., 1970. С. 692–694.

При этом французские пленные освобождались без всяких предварительных условий⁶. О какой неприязни к Франции вообще может идти речь?

К этой стране у нас всегда относились лучше, чем она к нам. Это сказалось и во время оккупации. Русские во Франции вели себя так непохоже на французов в России. «Не без доброжелательства провожали русских из Франции, — вспоминал офицер, служивший в русском оккупационном корпусе. — Русский в чужих краях скоро снискивает расположение жителей, стараясь жить их жизнью и осваиваясь скоро с их бытом. Другие войска союзников не могли похвастаться этим; может, они и не искали того»⁷.

Все это — лишь очередное свидетельство того, что Безотосный прав, утверждая, что как во внутренней, так и во внешней своей политике Александр I менее всего руководствовался эмоциями и тем более — «личной неприязнью»⁸. Впрочем, на мой взгляд, работа Виктора Михайловича доказывает и то, что исследование правления Александра I, личности этого монарха и времени противостояния России и наполеоновской Франции требует от историка отнюдь не наслаждения собственными фобиями и маниями. Настоятельно требуется совсем другое, а именно — знание, как минимум, нескольких языков, широкий исторический кругозор, способности связать в единое целое события, происходившие в разных частях европейского, а иногда и африканского, североамериканского континентов, в Азии, внимательное, уважительное отношение к предмету исследования.

Казалось бы, это очевидно. Но, увы, не для всех. Человек, лишенный базовых знаний о реалиях начала XIX века, в случае знакомства с трудами знатоков геополитики рискует получить неверные представления об истории своей страны. Поэтому Безотосный прав, обращая особое внимание на очевидное. Возможности своей темы им использованы вполне удачно и, повторюсь, — уместно. В период кризиса просветительская миссия науки становится как никогда ранее актуальной.

---

⁶ Глинка С. Н. Записки. М., 2004. С. 328.

⁷ Бриммер Э. В. Служба артиллерийского офицера, воспитывавшегося в 1 кадетском корпусе и выпущенного в 1815 году // Кавказский сборник, издаваемый по указанию Его Императорского Высочества Главнокомандующего Кавказскою Армиею. Тифлис, 1894. Т. 15. С. 72.

⁸ Безотосный В. М. Ук. соч. С. 17.

Но будет в принципе неверно утверждать, что значимость работы Виктора Михайловича сводится лишь к просвещению. Блестящий очерк по персидским делам и «восточному проекту» Наполеона — явное тому свидетельство⁹.

Не хочу лицемерить — и в заключение отмечу, что я во многом не согласен с Виктором Михайловичем. Так, в частности, для меня отнюдь не закрытым остается вопрос о внешнем влиянии на Александра I. Он был человек и монарх, и ничто человеческое и монаршьё не было ему чуждо. К тому же в разное время эпохи борьбы с Бонапартом это был человек с разным жизненным опытом — политическим, военным, личным. Все это не могло не проявиться в определенные моменты великой борьбы «эпохи 1812 года». Но все это не имеет решающего значения — мне нравится эта работа, я считаю ее серьезной и интересной, весьма своевременной и уверен, что ей обеспечен успех у читателей.

---

⁹ Там же. С. 138–188.